

Цинь Цюань просто не мог больше слушать, раздражённо схватившись за волосы, произнёс:

— Хватит, хватит! Я не могу решать за этого паршивца. Если он захочет, пусть женится на ком пожелает!

За столом воцарилось молчание.

Они позволяли себе такие вольные речи только благодаря близкому знакомству с герцогом Динго. Кто посмел бы нести подобную чушь перед самим наследником?

— Пусть женится на ком угодно, лишь бы не на знатной барышне из Ханьцзина.

Цинь Цюань посмотрел на того, кто произнёс эти слова. Тот сидел в углу и до сих пор не открывал рта, его глаза были скрыты чёрной повязкой.

Он был слеп.

Цинь Цюань уловил скрытый смысл его слов. Хотя остальные присутствующие за столом не были хитрыми, как старые лисы, но, прослужив столько лет на официальных постах, они прекрасно разбирались в подобных делах.

Если бы Цинь Янь женился на дочери какого-нибудь знатного клана, он бы навсегда оказался в ловушке Ханьцзина.

До сих пор у Цинь Яня не было военной должности — такова была воля Цинь Цюаня, а, возможно, в большей степени воля императора Цзиньфэна.

Семья Цинь принадлежала к старой знати Западной границы, поколениями жившей на этих землях. Они были самым мощным щитом между Даюанем и Цзиньчи. Когда Цинь Цюаню было тридцать пять, он повёл войска в поход против Цзиньчи, разбил их, обратив в бегство, и заставил подписать договор, обязывающий не нападать на Даюань в течение ста лет.

А затем Цинь Цюань, ответив на указ императора Цзиньфэна, получил титул герцога Динго и перевёз всю свою большую семью в Ханьцзин, отныне не имея права покидать столицу без специального указа.

Семья Цинь оказалась в западне Ханьцзина, но двести тысяч воинов Западной границы — нет.

Он сдал командную табличку, но войска Западной границы выросли в пустыне, родились в горных диких краях. Они признавали только генералов, с которыми делили жизнь и смерть, товарищей по оружию, с которыми годами спали, положив голову на алебарду, и которые в момент столкновения с врагом понимали намерения друг друга с одного взгляда.

Другими словами, никакая командная табличка не была нужна. Если бы Цинь Цюань пожелал, стоило ему только взмахнуть рукой и воззвать — и они немедленно ворвались бы в Ханьцзин, чтобы забрать его.

Но Цинь Цюань никогда бы так не поступил.

Старые генералы понимали это. Цинь Цюань понимал это. Император Цзиньфэн понимал это ещё лучше.

Цинь Цюань помолчал, затем фыркнул со смешком:

— Знатные барышни Ханьцзина и смотреть на него не станут. Хватит об этом. Давайте, ешьте!

Угнетённая атмосфера за столом немного рассеялась, и все вновь заговорили наперебой, неся всякую околесицу.

Частная комната на втором этаже ресторана «Ветка весны».

В комнате сидел важный господин в роскошных парчовых одеждах, его стол ломился от изысканных яств. Он держал палочками кусочек зелёного пирожного, и его рука замерла уже слишком давно. Казалось, он витал в облаках, слегка склонив голову, сидя в оцепенении, словно драгоценная, величавая статуя божества.

Только вот было неизвестно, смилостивится ли он над живыми существами.

Чжан Дэфу, вернувшись с кухни после того, как поторопил с блюдами, увидев эту сцену, снова захотелось схватиться за сердце.

Он сокрушённо воскликнул:

— Мой импера... господин! Рука затекла? Еда остыла? Я сейчас велю подать новую!

Император Цзинфэн очнулся от задумчивости и с досадой сказал:

— Не суетись попусту. Это зелёное пирожное и так подаётся холодным. Иди сюда, тоже попробуй.

Только тогда Чжан Дэфу, обрадовавшись, подошёл и принял угощение.

Цинь Янь не любил дождливые дни. Дождевая завеса окутывала туманом всё видимое, делая очертания нечёткими.

В детстве Цинь Цюань часто подшучивал над ним: никогда не бывал на Западной границе, а родился с телосложением и нравом западного мужчины.

Он родился в Ханьцзине, вырос в Ханьцзине, и, естественно, никогда не бывал на далёкой Западной границе.

Но, строго говоря, именно там был его настоящий дом.

Отец любил брать его с собой, когда ездил верхом, усаживая маленького Цинь Яня перед собой, на руки, и безудержно скакал по беговому полю. Отцовские объятия были широкими и сильными — в них умещалась мать, и он мог одной рукой поднять маленького сына.

Огромное беговое поле было вполне достаточно для Цинь Яня. Когда он немного подрос, отец предложил ему пони, но он отказался, заявив, что будет ездить только на большой лошади.

Отец смеялся, говоря, что мал ещё, а умничает, и что ребёнок не сможет один справиться с большой лошадей.

И тогда он дни и ночи напролёт проводил на беговом поле большого столичного лагеря, пытаясь взобраться на высоких скакунов, взбирался и падал. Так, падая полгода, сращивая сломанные кости, десятилетний Цинь Янь в итоге смог скакать наравне с Цинь Шусяном.

Но одну вещь он так и не мог понять.

Беговое поле было таким большим, а если и его мало — были протянувшиеся вдаль северные предгорья столицы. Но отцу всё равно казалось, что этого недостаточно, и он молча смотрел в сторону северо-запада.

Что же там было?

Маленький Цинь Янь не мог этого понять, но знал, что когда отец смотрел на северо-запад, его настроение всегда портилось.

Теперь он вырос, мог скакать с закрытыми глазами по беговому полю, и всё вокруг казалось ему таким узким и мелким, тесным до удушья.

Просто дух захватывало от этой тесноты.

Когда Кань Чжуи прибыла, Цинь Янь уже несколько кругов проехал по полю.

Она велела подвести свою лошадь, Ступающую по Снегу, вскочила в седло и направилась в сторону, где нёсся Цинь Янь.

Расстояние между двумя скакунами быстро сократилось. Конь, на котором ехала Кань Чжуи, был полностью вороной, только копыта оттенка чистого белого снега, за что и получил имя Ступающий по Снегу.

Конь Цинь Яня же был совершенно вороным, без единого пятнышка, словно стрела, затаившаяся в тишине, ждущая лишь, чтобы кто-то натянул тетиву, — тогда она выпорхнет и поразит вражеского генерала.

— Тайком приехать в первый лагерь — ещё куда ни шло, но скакать, не позвав меня? Не товарищески.

Кань Чжуи всегда говорила с лёгкой улыбкой, никто никогда не видел её без улыбки.

Цинь Янь, не меняя выражения лица, управлял лошадей, не обращая на неё внимания.

— Цыц, — приподняла бровь Кань Чжуи. — Что, не хочешь со мной разговаривать? Или, может, тот самый тебя игнорирует?

Цинь Янь знал, что она шутит, но почему-то вспомнился день Осенней охоты, аромат водяного алоэ, наполнивший его объятия.

Тогда он впервые узнал, что запах мужского тела тоже может быть таким приятным.

И ещё те глаза, подобные глазам оленёнка, чистые и ясные. Хотя, конечно, их обладатель отнюдь не был беззащитным детёнышем, которого можно зарезать.

И тот вкус... сладость? Аромат? Что он ощутил на своих губах и зубах той ночью за почтовой станцией. Он был более пленяющим, чем любое изысканное блюдо, которое ему доводилось пробовать.

Он не мог описать этот вкус. Если говорить об аромате, то пудра, которую используют знатные барышни Ханьцзина, пахнет, пожалуй, сильнее. Он не был близок с женщинами, наиболее тесно общался только с Кань Чжуи, но и от неё не исходило такого запаха.

Этот аромат вызывал у него зависимость. С того дня, когда он в порыве укусил его, Цинь Янь с

недоумением обнаружил, что этого недостаточно. Совершенно недостаточно.

Ему хотелось ещё больше, больше. Хотелось, чтобы этот аромат наполнил его губы, зубы, нос, чтобы он держал его в ладонях, прижимал к телу, заключал в объятия, хотелось крепко удерживать этот запах, не давая ему ускользнуть, не позволяя другим подглядывать.

Он хотел, чтобы этот аромат принадлежал только ему, ему одному.

Кань Чжуи, видя, что он долго не отзывается, с хитрой улыбкой сказала:

— Попался? Не думала, что у наследника Циня тоже бывают неудачи!

Цинь Янь бросил на неё сердитый взгляд:

— Тебе, видно, совсем нечем заняться.

Кань Чжуи пожала плечами:

— А что ещё делать? Везде спокойно, мне, командующему стражей, негде применить свои таланты.

— Если Его Величество услышит такие слова, обязательно прикажет дать тебе несколько десятков палок.

— Пусть бьют, хоть сколько. После этого я пойду во дворец к тётке и устрою там плач.

Цинь Янь не знал, плакать ему или смеяться. Он взглянул вдаль на небо — без единого облачка, дождя, наверное, не будет.

Он сказал:

— Скакать здесь совсем не в радость. Осмелишься прокатиться со мной к северным предгорьям столицы?

— А что мне, страшно?

Ворота бегового поля распахнулись, и они покинули большой столичный лагерь, направив коней к северным предгорьям столицы.

В это же время гонец с тремя разноцветными перьями за спиной достиг городских ворот Ханьцзина. Стража у ворот, увидев цветные перья, не посмела задержать его. Гонец промчался на лошади через ворота и прямо во дворец. Спустя мгновение срочное донесение с границы легло на стол императора Цзинфэна.

Полдня скачки, и оба покрылись потом. Они ехали с горных склонов, беседуя и смеясь.

Вдали Цинь Янь увидел стражника в серебряной военной форме из столичной охраны, скачущего на лошади. Тот, спешиваясь, даже пошатнулся — видимо, очень торопился.

Когда он подошёл ближе, они наконец разобрали его слова.

— Личный указ Его Величества: наследнику герцога Динго, Цинь Яню, немедленно отправиться с войсками на Западную границу для отражения врага!

Осень девятнадцатого года правления под девизом Цзинфэн, Цзиньчи, молчавшие более двадцати лет, вновь обнажили клыки против Даюаня. Одним укусом они истекали кровью северо-западные земли Даюаня.

Цинь Цюань был уже слишком стар. Бывшие генералы либо погибли, либо были ранены. Даже если бы они добровольно вызвались отправиться на фронт, император Цзинфэн не согласился бы.

Хотя между Даюанем и Цзиньчи был заключён столетний договор, народ Цзиньчи ненасытен, и никто не знал, когда они могут нарушить его. За эти годы император Цзинфэн ни на йоту не ослабил подготовку войск. Помимо двухсоттысячной армии, размещённой на Западной границе, в Ханьцзине и соседних округах насчитывалось сто пятьдесят тысяч солдат, а у генерал-губернатора Линнаня, Гуй Цуньшаня, также имелось сто тысяч гарнизонных войск Линнаня. Силами они располагали достаточными.

Проблема была только в полководце, который поведёт эти войска.

Исправлены оставшиеся английские слова (например, "wilds" заменено на "дикие края"), унифицировано оформление прямой речи и диалогов согласно правилам. Все диалоги оформлены через длинное тире.

<http://bllate.org/book/15464/1368201>